

Людоровская Т. Ю.,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры отечественной и региональной истории
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
(Донецкая Народная Республика)

ОСОБЕННОСТИ ДОСУГА НА ТЕРРИТОРИИ ДОНБАССА В ОККУПАЦИОННЫЙ ПЕРИОД (1941-1943 гг.)

Начавшаяся Великая Отечественная война потребовала перестройки всех сфер жизни советского государства, в том числе и культуры. Донбасс стал тем регионом, который испытал на себе все ужасы войны, попав под оккупацию 20 октября 1941 г., которая продлилась 700 дней.

Изучение особенностей досуга на территории Донбасса в оккупационный период является важным и очевидным на современном этапе развития Донецкой Народной Республики, так как исследование специфики развития культурных процессов, проходящих в 1941–1943 гг. в регионе, дает возможность всесторонне и системно проследить, какую роль сыграла культура в обеспечении Победы в войне.

Цель исследования – анализ и отображение целостной картины культурных процессов, которые происходили на территории Донбасса в оккупационный период (1941–1943 гг.), выявление специфических направлений в культуре оккупационных властей. В данной работе анализируется политика оккупационных властей в сфере культуры и досуга на территории Донбасса в 1941–1943 гг.

После оккупации Донбасса в октябре 1941 г. одной из главных задач для местной оккупационной администрации стояло обеспечение культурных потребностей военных, преимущественно в сфере досуга. В то же время, для военной администрации важно было обеспечить спокойствие и стабильность, «объясниться» с местным населением, что, в свою очередь, вызвало относительно лояльное или безразличное отношение к культуре. У военных были полномочия самостоятельно решать в зависимости от местной специфики и обстановки на фронтах, как именно воплощать распоряжения и указания по реализации нацистской культурной политики [16: 77].

Проанализированные архивные материалы и исследования предшественников по изучаемой проблеме дают возможность предположить о функционировании на территории оккупированного Донбасса трех условных культурных пространств: первое – для гражданского населения, второе – для военных, и третье – т.н. «общее».

Для удовлетворения культурных потребностей гражданского населения Донбасса действовала сеть театральных учреждений, также функционировали кинотеатры, читальни и передвижные выставки. В регионе издавалась оккупационная пресса, которой противостояла подпольная печать [12: 34].

Несмотря на экстремальные условия войны и пристальный контроль оккупационных властей, можно говорить и о самоорганизации досуга

населения. С одной стороны, она обуславливалась потребностью находить утешение в удовлетворении хотя бы минимума культурных потребностей – не только «хлеба», но и «зрелищ», что совпадало с культурной политикой местной оккупационной власти с целью отвлечь и усмирить местное население. С другой стороны, – самоорганизация культурной жизни в условиях нацистской оккупации стала возможностью реализовать неосуществимые ранее амбиции творческой интеллигенции, что также вполне поощрялось.

Второе пространство – организация досуга для офицеров и солдат вермахта – реализовывалось в соответствии с традиционной немецкой культурой и досугом, которое приобретало определенную специфику на оккупированных территориях. Это было то культурное пространство, в которое местному населению вход был категорически запрещен – «Только для немцев!» Как отмечал начальник отдела городского хозяйства Юзовки (ныне – г. Донецк, ДНР) Т.И. Ражуков: «Отделы и предприятия работают для нужд военных, а восстановленные театр, кинотеатр и радиоузел дают им возможность культурно провести часы досуга!» [6].

Так называемое «общее» культурное пространство для военных и местного населения возникало при пересечении двух первых и представляло собой трудное для исследования, однако уникальное явление. Оккупанты приобщались к культурной жизни местного населения преимущественно для осуществления контроля над ними, а также для идеологического давления и пропаганды. Принимая непосредственное участие в различных культурных мероприятиях вместе с местными, происходило не просто культурное взаимодействие, а сопоставление различных мировоззрений, представлений, культурных традиций, разрушение стереотипов, причем с обеих сторон, приобретая зачастую антагонистические формы.

Одним из первых шагов нацистов на оккупированной территории Донбасса в сфере организации досуга стало открытие театров. В сентябре 1942 г. насчитывалось 2 театра в г. Ворошиловграде (ныне г. Луганск, ЛНР) (музыкально-драматический им. Т. Шевченко и «Кабаре»), 3 – в Юзовке (музыкально-драматический, кукольный, «Варьете»). Театральные коллективы существовали и в других городах и поселках Донбасса, в частности, в Бахмуте, Дружковке, Макеевке, Горловке, Красноармейске, Краматорске, Красном Луче, Попасной, Рыково (Енакиево), Славянске, Селидово, Снежном, Ясиноватой, Успенке и т.д. [10: 144]. Репертуар театров был разнообразным и состоял из произведений западноевропейских, русских, украинских драматургов и композиторов. Самыми популярными пьесами были: «Наталка-Полтавка» И. Котляревского, «Запорожец за Дунаем» С. Гулак-Артемовского, «Сватання на Гончарівці» Г. Квитки-Основьяненко и др. [13: 16].

Совместное посещение театров немецкими солдатами и местными жителями было запрещено, хотя за годы оккупации в Донбассе применялись как отдельные (для гражданских и военных), так и совместные просмотры спектаклей. Граждане, которые были на службе у немецкого командования, могли купить билеты в кассе при городском финансовом отделении или в немецком управлении, для этого необходимо было предоставить справку с

места работы. Эта процедура была обязательной. Даже немецких военных (офицеров и солдат) не пропускали без разрешения начальства. Гражданское население могло получить билеты в кассе финансового отделения городской управы. Гражданские должны были занимать лишь отведенные для них места в зале. Иногда для поддержания порядка на спектаклях присутствовали полиция [1: 5].

К сожалению, источники не дают возможности выявить соотношение военных и местных жителей, посещавших театральные представления. Однако, учитывая численность зоны военной администрации, можно предположить, что удельный вес военного зрителя был выше, причем, военные посещали в основном театры оперы и балета, а драмтеатры – гражданское население [17: 105].

Отдельно стоит остановиться на деятельности развлекательных театров-кабаре, которые создавались местной оккупационной властью исключительно для обслуживания военных. В Юзовке действовал театр эстрады и миниатюр под названием «Варьете» (впоследствии переименованный в «Пеструю сцену») и театр музыкальной комедии. В г. Ворошиловграде действовал театр-кабаре «SKALA», созданный, как отмечала сама администрация города, по европейскому образцу: творческий коллектив был представлен эквилибристами, акробатами, клоунами, гимнастами, балеринами, музыкантами [2: 34]. В репертуаре театров и кабаре преобладали эстрадные и концертные номера развлекательного характера. Коллективы, ориентированные на требования нацистского руководства, в отличие от стационарных театральных учреждений, давали значительное количество спектаклей за короткий период. Для немецких и итальянских солдат артисты исполняли в основном немецкий репертуар, русский и украинский весьма избирательно, имели место выступления в церквях во время служб и панихид [5: 7].

На территории края также действовали стационарные кинотеатры и передвижные киноустановки, которые демонстрировали киноленты на предприятиях, в учебных заведениях, госпиталях, в лагерях для перебежчиков и военнопленных. Как отмечал в своих мемуарах начальник отдела пропаганды вермахта Хассо фон Ведель, «вопрос демонстрации фильмов зависел, прежде всего, от наличия стационарных и передвижных киноустановок, поступление необходимых фильмов». По этому поводу необходимо отметить, что деятельность органов пропаганды в этом направлении испытывала значительные трудности, поскольку сеть кинотеатров на оккупированной территории существенно сократилась, а технический уровень значительно ухудшился. Так, в октябре 1942 г. на территории Сталинской области функционировало 36 киноустановок, тогда как до войны было, по меньшей мере, 247. Подобная ситуация сложилась и в Ворошиловградской области [11: 16].

Местным жителям разрешалось посещать кинотеатры только в дневные сеансы, и при том условии, что они были обязаны уступать оккупантам лучшие места.

Поскольку созданием художественного музея оккупационная власть так и не заинтересовалась, изобразительное искусство Донбасса во время оккупации было представлено только художественными выставками и фотовыставками. С

4 по 8 ноября 1942 г. в Юзовке проходила первая крупная фотовыставка о Германии: «Немецкая страна – немецкая работа», а в июне 1943 г. состоялась выставка картин «О работе освобожденных народов Востока Европы в прекрасной Германии». Для того, чтобы привлечь посетителей, залы музея украшали цветами, плакатами, а каждый пятидесятый посетитель выставки получал сувенир. С 27 июня по 5 июля 1943 г. в Юзовке действовала фотовыставка «Красоты Германии». Выставки организовывались исключительно для местного населения для того, чтобы заручиться поддержкой и привлечь к своим рядам горожан. Однако в большинстве случаев гражданские с большой неохотой приходили на подобные мероприятия [7].

Работа на оккупантов давала возможность рассчитывать на поддержку администрации в случае возникновения спорных вопросов или бытовых осложнений и оберегало местное население от вывоза на работы в Германию. Согласно архивным материалам, артисты театра «Кабаре» получали продовольственные, хлебные карточки, военный паек, который был больше, чем для гражданских: 600 г хлеба в день; сахар, конфеты – 600 г; крупа – 2 кг; жиры – 600 г; мяса – 2 кг на месяц. Часть населения вынужденно избрало приспособленчество, сменяя одного заказчика на другого, некоторые верили, что немцы создадут надлежащие условия для культурной жизни [4: 17-19].

Еще одно нововведение оккупационных властей на территории края – возобновление празднования религиозных праздников, которое было ориентировано преимущественно на местное население, осуществлявшееся для идеологического контроля и пропагандистского давления. Тем не менее, военные также посещали богослужения, участвовали в мероприятиях, приуроченных к религиозным праздникам, например, на Троицу в г. Горловке немецкие военные играли в футбол.

С целью информирования населения о текущих событиях на фронте и идеологического влияния на него, оккупационные власти открывали читальни, в которые поступали газеты, издававшиеся как на оккупированной территории СССР, так и в Германии. Так, в читальне г. Константиновка были представлены периодические издания, выходившие на территории Сталинской области, Днепропетровска, Киева, Харькова, Белгорода, Крыма, журналы, издававшиеся в Германии [15: 28].

Немецкое военное командование для улучшения сферы досуга поощряло подготовку работников, которые помогали им хорошо и культурно проводить время. Оккупанты возобновили деятельность культурных учреждений, таких как клубы, Дворцы культуры. Так, на февраль 1942 г. в Юзовке действовало 7 шахтных клубов и 2 Дворца культуры. В рабочих клубах действовали музыкальные, хоровые и др. кружки, выступали артисты местных театров, приезжали с гастролями музыкальные и театральные коллективы. Подобные клубы пользовались популярностью среди частей немецкой армии и местных жителей, работавших на оккупантов. В городах действовали парки культуры и отдыха, где работали аттракционы, площадки для выступлений артистов, но и они посещались больше офицерами и солдатами. Так, в Мариуполе на многих скамейках Городского сада были надписи: «Только для немцев!» [14: 101].

В середине 1942 г. в Юзовке возобновилась иконная живопись, поскольку оккупанты восстанавливали и открывали новые церкви и молитвенные дома. Участие в этом принимали и художники Юзовки, расписывая по заказу оккупационной администрации церкви, иконостасы, писали иконы. В Юзовке работало 2 кустарные мастерские по изготовлению разнообразной церковной утвари [8].

Важным вопросом остается отношение населения к оккупантам, в частности, в контексте освоения «отдельного» и «общего» культурных пространств. Из отчетов военных администраций можно отметить неоднозначное отношение, зависящее от многих переменных. Наблюдателями фиксировалось со стороны местного населения либо крайне враждебное отношение, либо безразлично нейтральное. Настроения колебались в зависимости от ситуации на фронте, надлежащим или неудовлетворительным снабжением продовольствия, принудительной вербовкой на работу в Германию на фоне представлений о «счастливой жизни трудовых мигрантов», в сельской местности добавлялся земельный вопрос, сознательная интеллигенция остро реагировала на запрет национальной самоорганизации. Кроме того, нацистская пропаганда в Донбассе перманентно сталкивалась с советской контрпропагандой, которая в условиях близости линии фронта была масштабнее по присутствию, чем в рейхскомиссариате «Украина». Так, в отчетах сообщалось, что оккупанты периодически находили у местного населения края советские открытки [15: 27-28].

Но одной из весомых причин недовольства населения оккупантами и которая олицетворяла «культурные различия», что объединяло и военную зону оккупацию, и рейхскомиссариат, было преимущественно пренебрежительное отношение оккупантов к местному населению. Многочисленные брошюры, директивы, памятки для немецких солдат – «Почему мы начали войну со Сталиным», «О поведении войск на востоке» – содержали недвусмысленные объяснения: славянские народы, в том числе и их культура, рассматривалась как второстепенная, не исключалось жестокое отношение к чужим по происхождению и культуре элементам. Немецкий солдат, будучи «освободителем русского народа от большевизма», в то же время должен был постоянно помнить, что он – носитель высшей культуры, а, следовательно, не может равнять себя с освобожденными. «Только для немцев!» – наставление, действовавшее не только для оккупированного населения. Оно настраивало воспринимать местных как отсталую, некультурную массу, позволяло с неуважением относиться к его материальным и духовным ценностям [9: 75].

Указанные идеологические установки не были неизменными в течение войны, необходимость создания условий отдыха, в том числе культурного, для солдат вермахта заставила идти на определенные уступки для населения, в частности, в плане самоорганизации культурной жизни. Во главе управ, особенно городских, оккупационная власть ставила, как правило, представителей местной интеллигенции, и такая тенденция прослеживалась по всей территории оккупированной Украины, о чем свидетельствуют многочисленные исследования и документы [13: 41].

Как уже отмечалось выше, именно театр стал одним из тех культурных заведений, который пользовался популярностью у оккупантов. Поэтому творческие коллективы театров, театральные труппы, обслуживающий персонал находились под пристальным вниманием органов военной администрации. За работниками театров тщательно следили, вся театральная документация в обязательном порядке велась параллельно на русском и немецком языках. Согласно распоряжению комендатуры, запрещалось на контрольных дверях пропускать лиц, не работающих в театре. Артистам выдавались служебные удостоверения на украинском и немецком языках. В городских управах области поступали личные дела и автобиографии театральных работников. В отчетах обязательно отмечалась фамилия, имя и отчество, дата и место рождения, семейное положение, образование, должность, домашний адрес, национальность, происхождение, принадлежность к партии. Среди работников театров (по национальному составу) преобладали русские и украинцы, встречались поляки, белорусы, эстонцы, даже немцы. В случае выявления нежелательного для оккупационных властей контингента, соответствующие органы сразу же реагировали. Действовала жесткая дисциплина: запрещалось опаздывать, артистам участвовать в выездных концертах без разрешения дирекции. Мера наказания за нарушение дисциплины была разной – от лишения пайка, денежного штрафа (на 2-3, иногда 10 дней), снятие с должности, направление на биржу труда, до отправки в Германию [3: 28].

Нацистская администрация ориентировалась преимущественно на запросы военного контингента, а именно – на организацию культурного досуга военнослужащих. Культурные запросы местных жителей находились на втором плане, учитывая важность взаимопонимания с местным населением, оккупационная администрация шла на уступки и действовала в зависимости от обстоятельств. Однако, культурное пространство для гражданского населения, даже более мягкое, по сравнению, с другими оккупированными территориями, все равно осуществлялось для пропагандистского влияния.

«Общее» культурное пространство, возникшее в годы оккупации на территории Донбасса, было уникальным явлением сосуществования и взаимодействия оккупантов с местным населением в сфере культуры. Ярко проявилась аккультурация – процесс изменения культуры, происходящий при контакте и взаимодействии групп людей, которые являются носителями различных культур. В регионе проявили себя все три вида отношений: 1) ассимиляция – частичное или полное принятие культуры одной группы другой; 2) адаптация – приспособление элементов одной культуры к потребностям другой; 3) реакция отчуждения и отторжения форм чужой культуры, как со стороны оккупантов, так и местного населения. Это взаимодействие, безусловно, было опасным для советского культурного пространства, после освобождения региона советское правительство сразу начало восстановление контроля над культурной жизнью региона.

Таким образом, антисоветская пропаганда, знакомство с другой культурой, иллюзия свободы вероисповедания создавали смыслы, отличные от

советских, но ни политической, ни культурной альтернативы на территории Донбасса они, в конце концов, не создали. Политика «разрешения/милости», по своей форме, не скрывая высокомерия и пренебрежительности к покоренному населению, перевесила казни и террор по содержанию. Навязанные смыслы расходились с реалиями оккупационной культурной политики, не давали надежду на будущее, а потому – не разрушили стереотипы и не могли изменить мировоззрение граждан региона. Несмотря на уступки и послабления в культурной сфере для местного населения со стороны оккупантов, – это была лишь иллюзия восстановления и возможного развития культуры края, главная цель, которую преследовала нацистская оккупационная власть на территории Донбасса в 1941–1943 гг. – это идеологическое и пропагандистское влияние.

Список источников:

1. Государственный архив Донецкой Народной Республики (далее – ГА ДНР). Ф. Р-1580. Оп. 1. Д. 14. 26 л.
2. ГА ДНР. Ф. Р-1580. Оп. 1. Д. 6. 160 л.
3. ГА ДНР. Ф. Р-1580. Оп. 1. Д. 17. 60 л. 28, л. 1.
4. ГА ДНР. Ф. Р-1580. Оп. 1. Д. 5. 280 л.
5. Государственный архив Луганской Народной Республики. Ф. Р-2011. Оп. 1. Д. 5. 22 л.
6. Донецкий вестник. 1942. 25 июня.
7. Донецкий вестник. 1943. 30 июня.
8. Донецкий вестник. 1943. 4 января.
9. Моссе Дж. Нацизм и культура. Идеология и культура национал-социализма. – Москва, 2010. – 175 с.
10. Нестеренко В.А. Окупаційний режим у військовій зоні України в 1941-1943 рр. (адміністративний, економічний та соціокультурний аспекти): дис. ... канд. ист. наук. – Київ, 2005. – 207 с.
11. Проценко Є.О. Мистецьке життя Донбасу в період нацистської окупації (1941-1943 рр.) // Acta studiosa historica. – Львів, 2014. – Ч. 4. – С. 48-58.
12. Степкин В.П. Жизнь при немцах: на Родине и на чужбине (Донбасс 1941-1943 гг.). – Донецк, 2003. – 52 с.
13. Тарнавський І.С. Інтелігенція в умовах фашистської окупації Донбасу (1941-1943 рр.) // Новые страницы истории Донбасса: Сборник статей. Донецк, 2008. – Кн. 15/16. – С. 6-27.
14. Тарнавський І.С. Німецько-фашистський окупаційний режим в Донбасі (1941–1943 рр.): дисс. ... канд. ист. наук. – Донецк, 1999. – 223 с.
15. Титаренко Д.М. Донбас навесні 1943 року: німецькі документи свідчать // Новые страницы истории Донбасса. – 2006. – Кн. 12. – С. 31-32.
16. Титаренко Д.М. Культурні процеси в Україні у роки нацистської окупації (зона військової адміністрації). – Донецьк, 2014. – 442 с.
17. Титаренко Д.М. Театральне життя в Донбасі в період нацистської окупації // Історичні і політологічні дослідження. – 2005. – № 1 (23). – С. 100-107.